

ВЛАДИМИР КУЗНЕЧЕВСКИЙ

“РУССКИЙ ВОПРОС”

Вынесенные в заголовок этой статьи два слова представляют собой название раздела новой книги, вышедшей в свет в январе 2019 года. А начинается этот параграф так: “Самую большую проблему современной России и отношений между её национальностями представляет русский вопрос, выступающий на современном этапе как наследие русофобской, наднациональной по своей природе власти в СССР. Установки на победу социализма в мировом масштабе и на использование **русского народа** в качестве ударной армии и резерва мировой революции, взгляд власти на него как на народ, обязанный, по В. И. Ленину, устранить исторически возникшее **по его вине** неравенство, обязанный, по И. В. Сталину, обеспечить “сближение и слияние” наций в СССР, способны были превратить в русофоба любого доброжелателя русских, если он попадал в высшие эшелоны и на самый верх власти в стране” (выделено мною. — **Вл. К.**) [с. 573].

Собственно говоря, в этих десяти строчках и заключен весь смысл и пафос рецензируемого произведения. Но прежде чем перейти к анализу самой книги, надобно сделать одно замечание.

При всём при том, что русские в народонаселении Российской Федерации составляют абсолютное большинство — по последней переписи более 80%, а если учесть и тех, кто считает русский язык своим родным с момента рождения, то и все 87 процентов, — и при полном официальном и неофициальном признании того факта, что русская нация представляет собой государствообразующий элемент в нашей стране, тема эта в течение почти всего XX столетия была жёстко табуирована в гуманитарной публичной сфере. И вот на исходе 2018 года историография этой темы обогатилась фундаментальным научным исследованием авторитетного и широко известного в России и за рубежом специалиста, профессора исторического факультета МГУ Александра Ивановича Вдовина*.

Вообще-то в российском обществоведении и публично выражаемом общественном мнении в сфере национальных взаимоотношений жёстко табуированными (так уж получилось) всегда были по меньшей мере две темы: еврейская и русская. Первая свои корни тащит ещё с XIX века, с того времени, когда Александр III своими указами о так называемых “кухаркиных детях” запретил допускать безродных бедняков, а вместе с ними и евреев на государственную службу в России, а еврейскую молодёжь — в университеты.

* Вдовин А. И. Русская нация в XX веке (русское, советское, российское в этнополитической истории России): монография. Научное издание. — Москва: РГ-Пресс, 2019. — 712 с.

У второго табу – у русского вопроса – причины были отнюдь не этнического, а политического характера, и происхождение своё они ведут, только начиная с Октябрьской революции 1917 года. Заключение оно, это табу, как теперь уже стало окончательно ясно и известно, в стремлении выставить в истории русский народ как якобы многовекового угнетателя всех остальных народов и наций на территории Российской империи. Как показывает книга А. И. Вдовина, эта вторая проблема выкристаллизовалась потом в стойкую русофобскую тенденцию в характере политической власти в СССР, которая (тенденция) потом во многом переключалась и в нынешнюю систему власти.

За подтверждениями этого вывода, пишет А. Вдовин, далеко ходить не надобно. В 1994 году известный советский и российский политический и государственный деятель Р. Г. Абдулатипов писал: “Могу заверить: издать книгу о русской нации ещё недавно было просто невозможно... “Русская” тема была запретной, хотя аналогичные материалы, касающиеся жизни других народов, публиковались регулярно... но на фундаментальные труды по социологии и политологии русской нации было наложено табу. Любое проявление этнического самосознания русских почему-то пугало, сразу раздавались истошные вопли о русском шовинизме”.

Книга А. И. Вдовина вышла сравнительно небольшим тиражом, но не заметить эту книгу не только специалистам, но и широкому читателю, проявляющему интерес к политической истории нашей Родины, вряд ли удастся. И не только вследствие остроты самой темы исследования, но в немалой степени ещё и потому, что автору на семистах страницах убористого текста удалось разместить более полутора тысяч ссылок на практически всю имеющуюся на этот счёт литературу (от сугубо научных до журналистских публикаций), которая вышла в нашей стране за всё XX столетие. На такой подвиг до сего дня не решался ещё ни один профессиональный российский историк.

(Не могу, правда, не отметить непонятную для меня собственную скромность Александра Ивановича: в опубликованном им указателе имён авторов, пишущих по этой проблеме, почему-то отсутствуют ссылки на самого профессора Вдовина, а у него, между прочим, за весь период его творческой деятельности по этой теме опубликовано только один монографический исследованный и учебников более десятка. Ну, да это, видимо, действительно можно объяснить только поразительной скромностью известного учёного).

Сам автор книги с первых её страниц и до последней особое внимание уделяет русскому народу, рассматривая его как “системообразующее ядро новой исторической общности, формирующейся на протяжении столетия”, а сам русский народ – как “государствообразующую нацию России”. Заявление не просто неординарное, но, я бы сказал, бесшабашно смелое, если учесть, что ныне действующая Конституция РФ 1993 года исхитрилась ни разу не назвать русский народ государствообразующим элементом в нашей стране, отметив, однако, как факт, что многонациональный народ Российской Федерации вокруг чего-то (кого-то), но всё же объединился и принял Конституцию Российской Федерации.

Политическую сложность этой проблемы автор книги рассматривает с исторических позиций, усматривая “запрограммированную противоестественность основ федерации, внутри которой были и есть государственные образования всех сколько-нибудь крупных народов, кроме русского”. Такое положение, пишет он, результат политики не нынешних деятелей, облечённых властью, а их предшественников, обещавших после своего прихода к власти обеспечить “расцвет” национальных культур “инородцев”, якобы сдерживаемый в прошлом русским “народом-угнетателем”.

Противоестественной или нет была советская федерация союзных республик, однако сама идея создания “русской республики” в границах Советского Союза не исчезала никогда, но всякий раз у руководства СССР находились аргументы не давать ей ходу. Так, в феврале 1923 года Сталин писал, например, что если мы создадим Русскую союзную республику в составе СССР, то Башкирия, Киргизия, Татарская республика, Крым “сразу же лишатся своих столиц (русские города) и вынуждены будут серьёзно перекраивать свои территории”.

Ничуть не проще обстоит ситуация и в наше время. В случае появления Русской республики, пишет А. Вдовин, “русское руководство республики могло спутать все карты анациональных интернационалистов, закрепившихся

у власти в столице, и формирующихся национальных элит в союзных республиках, поскольку интересы русской власти, как говорится, не всегда могли совпадать с их интересами. Именно по этой причине создание Русской республики и зародышей любой русской власти постоянно блокировалось партократическим режимом". Не только Сталин, Берия и Маленков в 1949 году в печально знаменитом "ленинградском деле" и совсем недавно Горбачёв "железно" (если использовать свидетельство его помощника А. С. Черняева) стояли против создания компартии РСФСР, против полного статуса России в качестве союзной республики. М. С. Горбачёв на Политбюро так прямо и сказал: "Тогда конец империи". "К сожалению, — пишет А. Вдовин, — глава нынешней России находится в положении, напоминающем сталинское и горбачёвское. Он не видит возможности стать "русским президентом" без риска утратить право называться "президентом россиян". Оставаясь же в этом последнем качестве, он не заинтересован иметь рядом с собой и помимо себя официального представителя интересов русской нации. Эта дилемма объясняет, почему нынешняя верховная власть России сохранила важнейшее отрицательное свойство бывшей власти и стесняется своей русскости. В этом же кроется действительная причина той лёгкости, с которой в стране с преобладающим русским населением живёт совершенно немыслимая при нормальном положении вещей русофобия" (с. 577). Куда как определённее в этом смысле высказался в декабре 1991 года Г. Х. Попов, когда произнёс, что СССР "всегда был формой господствующего положения русского народа... и эта форма режима должна быть разрушена". На что депутат Госдумы С. Н. Бабурин меланхолично, но ожидаемо заметил: "Цели, которые ставил себе гитлеровский режим 50 лет тому назад, для многих политиков святы" (с. 578).

Особого, на мой взгляд, внимания заслуживают размышления профессора Вдовина о так называемом "русском национализме", жупел которого в наши дни активно используют в современной идеологической войне с Россией и, конкретно, — с президентом РФ правящие круги американского Конгресса.

Очищая это понятие от негативных наслоений советского времени и перекидывая мостик от понятия "национализм" в позитивном и даже прогрессивном его содержании к понятию "патриотизм", автор исследования совершенно справедливо замечает, что к "русскому патриотизму ещё от революционных демократов начала XX века прилипло и сохраняется определение "реакционный". А ныне всякое проявление русского национального сознания резко осуждается и даже поспешно приравнивается к "фашизму", которого в России и не бывало никогда и который вообще невозможен без расовой основы, однорасового государства" (с. 589).

К несомненным достоинствам исследования следует отнести тот факт, что автор его не обходит своим вниманием такую острейшую идеологическую (и политическую) проблему, каковой вот уже почти век выступает вопрос создания Русской Республики в составе Российской Федерации, привлекая к своим размышлениям и крайне мало известные общественности исторические факты.

Поначалу, указывает он, после Февральской революции и Ленин считал не только возможным, но и необходимым сохранить в России Русскую Республику. "Предлагая внести изменения в программу партии, он (Ленин), — пишет Вдовин, — как о само собой разумеющемся писал о будущей республике русского народа. "Республика русского народа должна привлекать к себе другие народы или народности не насильем, а исключительно добровольным соглашением на создание общего государства" (В. И. Ленин. ПСС. Т. 32. С. 154). Но в 1922 году вождь вдруг поменял свою позицию, вернулся к резко негативным оценкам культурного потенциала русского этноса и охарактеризовал советский государственный аппарат как "море шовинистической великорусской швали" (ПСС. Т. 45. С. 352, 357).

Как уже сказано выше, автор рецензируемого издания историю рассматриваемого вопроса постоянно сопрягает с современностью. Так, замечает он, Д. Медведев в бытность его на должности президента РФ однажды выразился так: "Каждый гражданин любого государства должен, прежде всего, ощущать себя частью большой страны, и уже во вторую голову он должен ощущать себя представителем того или иного этноса. Иначе государство разваливается на части" (с. 540 рецензируемой книги).

Профессор Вдовин не торопится соглашаться с такой позицией и, комментируя это высказывание, пишет: “Тем не менее, уместен вопрос, не будет ли предлагаемое понимание единой российской общности и противопоставление “ощущений” вместо сглаживания национальных противоречий продуцировать их? Более надёжным представляется создание условий, при которых “ощущения” не противопоставляются, когда противоречия между ними сглаживаются и, в конечном счёте, устраняются, а гражданин в одинаковой мере гордится и принадлежностью к своему государству, и к своей этнической общности. Опасность же противопоставлений, с учётом настоящего экскурса в историю, на наш взгляд очевидна” (с. 540).

Читатель без труда может обнаружить в книге А. И. Вдовина подлинные изыскательские находки, имеющие прямое отношение к главной теме книги.

Так, на странице 502 читаем: “На форуме сайта пресс-центра М. Б. Ходорковского в 2004 году всерьёз обсуждался “план спасения России”, заключающийся в её присоединении к США, “благо и общая граница на Аляске есть”. При этом “остатки населения РФ переселяются в тёплые области, сворачивается собственная оборонка... и всё это вместе называется СШАЕА (Соединённые штаты Америки, Европы и Азии)”. А. И. Вольский утверждал: “Именно такой вариант будет принят, когда Ходорковский выйдет из тюрьмы (осуждён в мае 2005 года на 9 лет лишения свободы за мошенничество и другие преступления), и мы вместе с ним займёмся его реализацией. В этом и есть историческая миссия Ходорковского”. В публикации, поведавшей миру о такой идее, упоминалось, что известен был и аналогичный план МИДа”.

Вообще-то говоря, с трудом верится, что такой фантастический план поддерживал Аркадий Иванович Вольский, многолетний работник аппарата ЦК КПСС (заведующий отделом промышленности ЦК и помощник двух генеральных секретарей ЦК – Андропова и Черненко, создатель и бессменный (до самой смерти в 1986 году) руководитель РСПП. Но после распада СССР мы не один раз были свидетелями и ещё более головокружительных политических кульбитов.

И дело совсем не в том, что М. Ходорковский и А. Вольский не отрицали авторства названной выше идеи о фактическом уничтожении России как субъекта мировой политики и международных отношений и фактического же уничтожения русского этноса как нации. А в том ещё, что они совсем не были первыми в выдвигании этой сумасбродной идеи.

Когда в июне 1990 года М. Горбачёв и Э. Шеварднадзе приняли до сих пор не объяснимое решение безвозмездно передать Соединённым Штатам часть шельфа в Беринговом море общей площадью в 55 тысяч кв. км, президент США Джордж Буш-старший, придя к выводу, что существованию Советского Союза как государства приходит конец, дал задание Институту мировой истории США разработать проект возможной продажи Москвой Соединённым Штатам Сибири и Дальнего Востока.

План этой сделки под названием “Американская Сибирь”, в юридическую основу которого был положен Договор об уступке Россией американскому государству Аляски и Алеутских островов 1867 года, был представлен Д. Бушу летом 1992 года. Стоимые сделки, по мнению авторов этого плана, должна была составить что-то около 3 трлн долларов из расчёта 1 тыс. долларов за один акр земли (0,4 га). Д. Буш к этому времени ещё занимал должность президента США, но Советского Союза с 8 декабря 1991 года уже не существовало, поэтому рассматривать эту химеру уже не было никакого смысла. Но, тем не менее, никто в США от этого плана официально не отказывался. По видимому, именно поэтому А. И. Вольский в 2004 году и рассматривал как имеющий практическое значение вопрос о вхождении России в состав Соединённых Штатов Америки.

Меж тем, под Сибирью план Института мировой истории США понимал территорию от Уральских гор до Тихого океана и предлагал создать на этой территории семь новых американских штатов. В документе высказывался своего рода прогноз, согласно которому после покупки Сибири в США создавалась возможность открыть по 20 тысяч новых рабочих мест в каждом “старом” американском штате в течение следующих 20 лет. При этом американская сторона должна была ежегодно выплачивать “оставшейся за Уралом России” по 200 млрд долларов, половина из которых выплачивалась бы наличными,

а вторая половина – поставками американских товаров по заказам российских потребителей.

Ещё проще предлагалось поступить с населением Сибири и Дальнего Востока, живущим там на момент заключения сделки. Все русскоговорящие жители славянского происхождения должны были стать полноправными гражданами США со всеми правами и привилегиями, а юридическое положение коренного населения Сибири и Дальнего Востока (якуты, чукчи, буряты, тувинцы, эскимосы и т. д.) должно было определяться теми “законами и правилами, которые правительство США будут время от времени принимать в отношении их”*. (По-видимому, они должны были разделить судьбу индейцев на территории Северной Америки в эпоху колонизации этой территории. – **Вл. К.**).

Понятно, что когда вынашивались эти геополитические проекты, то живущие в нашей стране лидеры либеральной идеологии исходили из того, что набирающая на международной арене силу тенденция глобализации экономических и политических процессов ведёт к созданию, как считал тот же М. Б. Ходорковский, к формированию единого мирового правительства на базе Бейдельбергского клуба, Трёхсторонней Комиссии и подобных структур. Но к моменту написания профессором А. И. Вдовиным рецензируемого труда ситуация поменялась существенно, и глобализация, и либеральная идеология в целом показали свою принципиальную несостоятельность. Так, бывший в 1990-е годы активнейшим сторонником и пропагандистом либеральной русской революции член-корреспондент РАН Руслан Семёнович Гринберг сегодня отмечает, что “для мира, уже который год переживающего кризис, наступил “момент истины” – упоение “свободной” экономикой прошлого, уступив место разочарованию и усталости от радикального, безудержного либерализма”**. Вот, собственно, на эту сторону мировых процессов и обращает внимание автор рецензируемого труда.

Нельзя не согласиться с высказанным автором книги мнением, что “осмысление пути русского народа через драматический XX век приводит к убеждению, что коренная причина разрушения Российской империи в 1917 году и Советского Союза в 1991 году заключается в отчуждении между государством и русским народом, в равнодушии наиболее многочисленного народа к судьбе “империи”, утрачивающей способность к выражению и защите его национальных интересов и ценностей” (С. 679).

Более или менее удачно сформулировав основное на сегодняшний день противоречие в развитии современного российского общества, профессор Вдовин в целом, как представляется рецензенту, верно определяет не только основное противоречие, перед необходимостью разрешения которого стоит в настоящее время наша страна, но и предлагает направление, по которому могло бы пойти это разрешение. Только направление, к сожалению, а не, так сказать, “дорожную карту”, но, по-видимому, к более конкретным рекомендациям наше общество ещё просто не готово.

Можно выразить “только сожаление о том, – пишет автор книги, – что в условиях революции 1917 года был упущен исторический шанс укрепить государственность по проекту, предлагавшемуся первоначально В. И. Лениным. Выступая в июне 1917 года, он ратовал за трансформацию Российской империи в Русскую республику (В. И. Ленин. ПСС. Т. 32. С. 269). Отдавая должное благородству таких намерений, нужно также признать, что время для установления соответствующей власти в России давно уже пришло. (Но) для этого требуется многое, – пишет Вдовин, – сдвиги в национальной политике в сторону акцентов на русском народе, “государствообразующем по факту существования России” (В. В. Путин), Православии, соединении советской и российской истории, державности. Требуется очищение исторического наследия от русофобства, выработка мер по преодолению негативных последствий разделённости русского народа, узаконения пропорционального

* Подробнее см.: Юрий Булатов, декан факультета международных отношений МГИМО МИД РФ “Самодержавная Россия: движение “встреч солнцу” и народы Сибири”. – Международная жизнь № 5 (май). 2016. С. 152–184.

** См.: Л. Е. Гринин, А. В. Коротчаев, В. М. Бондаренко, Р. С. Гринберг. Юбилей Н. Д. Кондратьева в свете современных проблем мировой экономики. В книге: Н. Д. Кондратьев. Кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности. М.: Учитель. 2017. С. 6.

представительства всех народов в органах власти, избавления от “асимметричного” федерализма. Политика не должна вступать в противоречие с аксиомой: только сохранение государствообразующей роли русского народа, укрепление его сплочённости и патриотизма, надёжная защита интересов его национального развития позволяют установить в России мир, о котором мечтал А. С. Пушкин. Ибо только в этом случае “будут гармонично развиваться и взаимообогащать друг друга в едином цивилизованном пространстве, и внук славян, и финн, и тунгус, и калмык, и все другие народы, издревле населяющие Россию” (с. 677–678).

Впрочем, гармония – гармонией, но своей центральной идеей автор всё же формулирует мысль о том, что без концептуального радикального решения “русского вопроса” вывести нашу страну из системного кризиса, куда её вверг геополитический распад Советского Союза, в течение ближайших 10–15 лет невозможно. Подробному описанию технологии, своего рода выписыванию так называемой “дорожной карты” решения этой задачи автор посвящает специальный (последний в книге) параграф под названием “Русская идея не противостоит российской” (с. 666–678). “Политика, – пишет он, – не должна вступать в противоречие с аксиомой: только сохранение государствообразующей роли русского народа, укрепление его сплочённости и патриотизма, надёжная защита интересов его национального развития позволяют установить в России мир” (с. 678). В конечном итоге, ведь совершенно прав оказался на 90-м году своей жизни В. М. Молотов, когда сказал, как выдохнул: “Коммунистическая партия ведь так и не решила русский вопрос – не решила, каким должен быть статус огромной РСФСР и русской нации в Советском Союзе”. Именно эта констатация “исчерпывающе отвечает на вопрос, почему Советский Союз в декабре 1991 года прекратил своё существование... Она говорит также о необходимости не только признать русский народ государствообразующим по факту существования России. Необходимо предоставить ему, наконец, соответствующий институциональный статус, который позволил бы практически решить проблему русской нации в Российской Федерации. Видимо, только в этом случае отойдёт в прошлое XX век российской истории, который можно смело назвать “антирусским”, что особенно жёстко проявилось и в девяностые годы” (с. 686).

В заключение не могу не обратить внимания на некоторые спорные, на мой взгляд, положения, изложенные автором этого уникального в целом исследования.

По-моему, несколько снижает порою творческую ценность рецензируемого труда то обстоятельство, что в стремлении оправдать во что бы то ни стало некоторые совершённые правительствами СССР (России) ошибки и провалы в противостоянии с агрессивным стремлением Запада (читай: США) нанести урон нашему внутреннему политическому развитию, автор начинает всерьёз подвергать анализу публицистические вымыслы наших геополитических противников.

Так, не совсем понятным для подготовленного читателя остаётся пристальное внимание автора книги к подробному анализу так называемого “плана Даллеса” по разрушению политической системы Советского Союза путём внутренней идеологической диверсии западных антисоветских спецслужб (см. с. 303–671). Во-первых, в литературе давно уже установлено, что директор американского ЦРУ Аллен Даллес (1893–1969) к так называемому “плану” по внутреннему политическому и моральному разложению советского (российского) общества никакого официального отношения не имел. Ни в официальных документах, ни в серьёзной публицистике “план” этот в английском оригинале представлен никогда не был. Иногда “планом Даллеса” называют меморандум 20\1 Совета национальной безопасности США от 18 августа 1948 года (NSC 20\1 1948), выполненный по запросу министра обороны США Джеймса Форрестала и представляющий собой аналитический документ о долгосрочных целях политики США в отношении СССР. Документ этот был позже обнародован в мемуарах прожившего более 100 лет автора так называемой политики сдерживания США в отношении СССР Джорджа Кеннона (1904–2005). Как неоднократно отмечалось в исторической литературе, текстовый анализ этого документа и так называемого “плана Даллеса”, подробно процитированный автором книги о русской нации, выказывает полное их несходство. Да автор книги и сам признает, что “план” этот впервые был

наиболее полно представлен в выступлении митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (в миру И. Н. Снычев) только в феврале 1993 года, а ранее был опубликован только в художественной литературе (см. с. 304–312).

Книга профессора Вдовина представляет собой нелёгкое чтение. Надо сказать, что поначалу отдельные пассажи могут вызвать у читателя даже некоторое недоумение. Так, может показаться, что с точки зрения заявленной темы в книге представлено относительно много текста, не имеющего практически отношения к делу. В частности, не совсем понятно, зачем было автору столь подробно, на десятках страниц углубляться в тему политических репрессий 1930-х годов. С фактической точки зрения тема эта с 1956 года довольно полно описана и представлена в нашей исторической, научной и публицистической литературе (я уже не говорю о зарубежной, которая по объёму ничуть не менее представительна, начиная с двухтомной политической биографии Сталина Исаака Дойчера 1948 года). Ничего хоть сколько-нибудь нового автору рецензируемого исследования сообщить своим читателям по этой проблеме не удалось, а места в книге это заняло много. Но потом, правда, начинаешь постигать, что без этих пассажей трудно будет высветить (объяснить), что “самую большую проблему современной России и отношений между её национальностями представляет русский вопрос, выступающий на современном этапе как наследие русофобской, наднациональной по своей природе власти в СССР” (с. 573) и что корни этой проблемы восходят к Ленину, его национальной политике. Сталин в этом плане был по рукам и ногам связан обязательным для него соблюдением ленинских указаний. В противном случае он бы просто-напросто не выжил ни в политическом, ни в биологическом смысле.

В общественном мнении страны и вообще в среде образованной публики проблема ленинского русофобства никогда не была предметом серьёзного рассмотрения. В стране, в которой в течение целого века имя основателя советского государства по авторитету и популярности в массах на голову превосходило имя Сына Божия Иисуса Христа, тема отношения Ленина к российскому государству и русскому народу всегда была политически табуирована. И хотя сам вождь мирового пролетариата в собственноручно написанных им текстах много раз давал повод для обвинения его в русофобских настроениях, в советские времена и позже только диссидентствующие эмигранты решались на прямую постановку этой проблемы (М. Геллер, А. Некрич, В. Топольянский и другие).

Но и обойти молчанием надиктованные Лениным в конце 1922 – начале 1923 года работы, получившие общее название “Завещание вождя”, в которых основатель советского государства открыто выразил, как пишет А. Вдовин, “позицию автора... в отношении русской нации, названной “угнетающей” и “великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда” (с. 39), было затруднительно, поэтому советские историки тщательно избегали комментировать эти “неудобные” тексты. Но стремление советских идеологов и пропагандистов снять с Ленина ответственность за наличие элементов русофобства в практической деятельности всех без исключения советских правительств в XX веке не умирало никогда. Не умирает это стремление до конца и в наши дни.

“В 2003 году, – пишет автор рецензируемого труда, – увидело свет обстоятельное исследование В. А. Сахарова (профессор исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. – **Вл. К.**), ставящее под сомнение авторство Ленина в случаях со статьёй “К вопросу о национальностях или об “автономизации”, “Письмом к съезду” и некоторыми другими текстами, традиционно включавшимися в состав его “Завещания”...

“Но В. А. Сахаров, – продолжает А. И. Вдовин, – ещё не решился поставить в этом вопросе все точки над i”.

Как представляется, дело, конечно, не в том, что Сахаров “не рискнул прямо назвать автора приписанных Ленину текстов”. Правильнее было бы сказать: “не решился” ввиду шаткости высказанных им позиций. С момента публикации Сахаровым своей “догадки” (с 2003 года) прошло полтора десятка лет, и за это время ни один профессиональный историк не то чтобы не поддержал высказанную Сахаровым догадку, но даже и не отреагировал на неё.

Лишь в 2017 году это сделал не профессиональный историк, а уроженец города Винницы (Западная Украина), бывший шеф-редактор журнала

Playboy, а ныне заведующий отделом культуры правительственной “Российской газеты” литературный критик Л. А. Данилкин, который утверждает, что название “Политическое завещание Ленина” было взято “с потолка” и “без согласия автора”*. Большая часть текстов этого “Завещания” “обзавелась репутацией надёжной только за счёт свидетельств лиц, у которых могла быть заинтересованность в том или ином развитии политической ситуации”, а потому их автором могла быть только Крупская и никто иной: “Больше просто некому”**. Профессор Вдовин склонен согласится с тем, что в биографической книге Л. А. Данилкина “Ленин. Пантократор солнечных пылинок”... автор убедительно доказывает, что их автором могла быть только Крупская и никто иной”.

Пока, впрочем, неизвестно ни одного профессионального историка, кто поддержал бы эти утверждения.

Но всё это нисколько не снижает огромной ценности рецензируемого исследования. Поэтому общий вывод: чтобы представлять себе во всей целостности историю нашей страны и чтобы разобраться в причинах нынешнего её состояния, надо читать книгу профессора А. И. Вдовина. И не только специалистам.

* Иными словами, из текста следует, что и Данилкин говорит о том, что автором этих пассажей был всё-таки сам Ленин и никто другой?

** Данилкин Л. А. Ленин. Пантократор солнечных пылинок. М.: Молодая гвардия”, серия “Жизнь замечательных людей”, 2017. С. 755, 763.